

1. Июль 2023 г.

— И где же твои сырники?

— Они расплылись на сковородке. Вроде делала все по рецепту...

Женя злилась. И зачем она только пообещала Борису на завтрак сырники? Только опозорилась. И как так? С Наташей у нее все получалось, и сырники были толстенькие, плотные и держали свою форму, когда жарились.

И что сегодня не так? Какой секрет Наташа ей не раскрыла? Она же ясно сказала, что творог не следует забивать мукой, иначе все будет невкусно. Или, может, творог слишком влажный, а нужен сухой? Не слишком ли все это сложно? Откуда ей знать, как поведет себя творог?

— Так где же эти твои расплывшиеся сырники? — улыбнулся Борис.

Он был в хорошем настроении, веселый, румяный после пробежки в лесу. И теперь сидел за столом в домашнем халате, подаренном ему братом, и был удивительным образом похож на него. И совсем не походил на прежнего Бориса, презиравшего халаты и вечно подтрунивавшего над Петром, у ко-

того собралась уже целая коллекция прекрасных «обломовских» халатов.

— Я их выбросила, — спокойно ответила Женя. — Чтобы не позориться.

— А я бы с удовольствием съел любые сырники, приготовленные твоими руками, — и Борис вдруг взял ее руку в свою и поднес к губам. Поцеловал.

— Я научусь. Я все равно научусь готовить. Но не так скоро... Там много разных премудростей, конечно, но...

— Да успокойся ты уже, Женечка. Я с удовольствием позавтракаю бутербродами.

— Хорошо, что у нас есть кофемашина, иначе и кофе испортила бы, — помрачнела Женя. — А где Петр с Наташей? Решили проспаться завтрак? Кажется, они собирались куда-то там ехать, чтобы посмотреть очередной дом.

— Женя!

— Понимаю, что тебе неприятно об этом говорить, но что поделать, если они решили обзавестись собственным домом? Это их выбор.

Женя знала, как Борис привязан к брату, как привык, что он всегда рядом, а теперь вдруг Петр со своей невестой решили, что им пора уже жить отдельно, в своем доме, своей семьей. И хотя Женя была Петру снохой, а не сестрой, но успела полюбить его, такого милого и доброго, с самого первого дня защищавшего ее, тогда еще домработницу, доставшуюся братьям «по наследству» от прежних хозяев, от нападков в ту пору агрессивного и грубого Бориса.

И теперь также страдала при мысли, что Борис с Наташей переедут. Наташа, которую и она сна-

чала восприняла в штыки и долгое время не знала, как к ней относиться, и видела в ней чужого человека, оказалась хорошей, классной девчонкой. Не зазнайкой, не лентяйкой, не самозванкой, а той самой загадочной дамой сердца, которую Петр, однажды обретя, потерял и долго искал.

Сейчас же достаточно было увидеть сияние в его глазах, когда он смотрел на нее, чтобы понять, как же он любит ее. А она? Она тоже светилась счастьем ровно с того дня, как только нашла его и пришла в их дом.

Они вели себя как молодожены, постоянно либо держались за руки, либо обнимались, а когда их никто не видел, как им казалось, и целовались. Между ними была самая настоящая страсть!

Они редко выезжали из дома, разве что в Москву в ресторан или к друзьям Петра, и в основном проводили время вместе в комнате Петра, а по вечерам любили прогуливаться по окрестностям.

Наташа тоже училась готовить, но относилась к этому со всей серьезностью и занималась этим почти каждый день. Заказывала продукты и осваивала новые рецепты. Помогала ей в этом домработница Галина Петровна.

Сегодня она была выходная, и Женя, проснувшись рано, решила всех удивить — накормить вкусными сырниками. И что в результате? Получились какие-то влажные подгоревшие лепешки с вылезшим из-под корки жидким расслоившимся творогом...

— Может, позвать его? — предложил Борис, поглядывая на дверь. — Мало ли что могло произойти.

— Да пусть себе уже поспят. Наверняка допозд-
на смотрели какой-нибудь сериал или просматри-
вали объявления о продаже дома.

Раздались шаги, и в кухню вошел Петр. Но не
в халате, а в пижаме! Пижамы была белая, оторочен-
ная синим кантом, и висела на нем мешком, отчего
Петр, высокий, худой, растрепанный, с растерян-
ным лицом, был похож на грустного клоуна.

— Ну наконец-то! — воскликнул Борис. — Да-
вайте уже, садитесь за стол!

— Ее нет, — сказал Петр, уставившись на брата,
словно тот знал гораздо больше его. — Понял, да?
Она ушла от меня.

Он сказал это таким тоном, словно только они,
два брата, знали, о чем идет речь, о той тайне исчез-
новения Наташи, которая лишила Петра покоя на
долгое время. Словно он забыл, что и Женя в курсе
его страданий и радостей.

— В смысле? Ты чего? Когда ушла? Что она тебе
сказала?

— Да ничего не сказала. Мы почти до утра про-
сматривали дома, потом уснули, так ничего и не
выбрав, мы же хотим, чтобы неподалеку отсюда.
Утром я проснулся, а ее нет!

— Ну и что?! — воскликнула, не выдержав, Же-
ня, желая поддержать Петра. — Да мало ли куда
она могла пойти? Может, решила прогуляться. Или
пробежаться? Борис...

— Я ее на дороге не видел, — пробормотал, чуть
ли не извиняясь, Борис. — Но, может, она по дру-
гой дороге побежала.

Теперь его лицо приобрело виноватое выражение.

— Послушайте, что вы такое говорите? И когда это моя Наташа бегала по утрам? Да она терпеть не может спорт и все, что с ним связано! Она, как и я, большая любительница тепла и комфорта, и для нее все эти пробежки — настоящая каторга! Да! Кроме того, она соня, очень любит поспать. А если учесть, что мы легли под утро, то, спрашивается, что заставило ее подняться с рассветом и уйти, вернее, уехать?

— Так она уехала?

— Ну да, на своей машине.

— Надеюсь, чемоданы на месте? — осторожно спросила Женя.

— На месте... Но что для нее чемоданы какие-то, вещи? Она может купить себе кучу вещей и чемоданов. Она могла ничего не взять, чтобы я не сразу понял, что она ушла.

— Но зачем ей куда-то уходить? Вы что, с ней поссорились? — Борис отчего-то разозлился, Женя только не поняла, на кого, на брата или исчезнувшую Наташу.

— Нет. У нас все замечательно... Было. Мы же дом выбрали!

— А может, она не хотела отсюда уезжать?

— Хотела, в том-то и дело! Она хотела большой дом, с таким же зимним садом, мечтала о каких-то растениях...

— Но в доме полно места, много комнат, почти весь второй этаж, за исключением комнаты для Валеры Реброва, не занят, — проговорила Женя. — Там две прекрасные спальни, кабинет, просто огромная ванная комната! Я не понимаю, почему

вы до сих пор ютитесь в вашей комнате, Петр, словно больше и места нет. Можно же закупить, я не знаю, мебель в спальню, все там обустроить... Дом, повторяю, огромный, и сад тоже! И мы с Борей не хотим, чтобы вы переезжали. Или... Может, я ее чем обидела?

— Она тебя, Женечка, просто обожает. Нет, все дело во мне. Видимо, я сделал что-то не так.

— А что, если дело во мне? Может, я сделал что-то не так... Или сказал? — неуверенно спросил Борис. — Но не помню, чтобы я был груб с ней. Да я тоже уже привык к Наташе и рад был, что она нашлась.

— Но она ушла, понимаете! Уехала! И это впервые за все то время, что она здесь живет. И ни слова мне не сказала. Разве что написала.

— Как? — хором переспросили Женя с Борисом.

— А я разве вам не сказал? Минутку... — И Петр достал из кармана пижамной куртки записку.

На голубом листочке было написано: «Кое-что нашла, хочу посмотреть сама... Скоро вернусь. Люблю».

Борис в сердцах отшвырнул от себя салфетку. Выругался, что случилось с ним редко в присутствии жены.

— Ты нормальный вообще, Петя?!!! Ты чего за-паниковал? Она же ясно все написала!

— Да мало ли, что она написала. Уехала же. Без меня. Не разбудила...

— Я кофе вам налью? — улыбаясь, спросила, уже успокоившись, Женя.

— Можно... А-а-а... Господи, в чем я пришел?! Какой стыд! — И Петр, вдруг опомнившись, что

показался перед домашними в пижаме, вскочил и бросился переодеваться.

— Он не спокоен. Он до сих пор боится ее потеть. Почему, Боря?

Женя включила кофемашину.

— Любит ее до безумия. Так нельзя любить. Так можно сойти с ума.

— А разве ты не любишь меня до безумия?

— Люблю, конечно, но мозги свои не отключаю никогда. Постоянно думаю о тебе, переживаю. А ты этого, к сожалению, не понимаешь. Вечно вляпываешься в какие-то истории. Рискуешь собой.

— Боря! — строго окликнула его Женя, тем самым напоминая мужу о том, что тема эта ей неприятна, что все давным-давно оговорено и что она не намерена отказываться от своих принципов и желаний.

Он вздохнул и принялся за второй бутерброд.

2. Май 202... г.

— *Вот, смотри, сколько я заработала за месяц только на чаевых!*

И Оля достала из жестяной коробочки из-под голландского печенья деньги. Целый ворох бумажных купюр.

— *Около пятидесяти тысяч. А ты говоришь, брось работу и возвращайся домой. Да разве я там заработала бы такие деньжищи?*

— *Но ты сама-то понимаешь, что гробишь себя? Что тебе противопоказано таскать тяжелые подносы.*

Разговор происходил в маленькой московской квартире, которую снимали две подружки из города Мышкина, Оля и Валя. Оля была приятная, с мелкими чертами лица девушка, шатенка с карими глазами. Невысокая, с полной грудью, она нравилась мужчинам своей женственностью и нежным голосом. Быть может, поэтому подвыпившие клиенты платили ей всегда щедрые чаевые.

Не отставала от нее в этом плане и подружка, Валентина. Хрупкая блондинка, голубоглазая от природы, которая в зависимости от настроения меняла линзы, становясь то кареглазой, то поражала всех ярко-зелеными глазами. И если Оля всем улыбалась,

точно зная, что улыбка определит размер чаевых, то Валя пользовалась лишь своей красотой, являясь в ресторане «Дикий гусь» настоящим украшением (причем по мнению самого директора).

Она так и не смогла заставить себя улыбаться клиентам, обслуживая столики, всегда держалась с достоинством и лишь изредка одаривала кого-то, особо понравившегося ей, улыбкой.

Обе приехали в Москву два года тому назад из города Мышкина в надежде скопить денег. Валя мечтала открыть в родном городе мастерскую или пекарню для туристов, Оля же планировала сделать операцию по замене межпозвоночного диска. Валя никогда ее не расспрашивала, насколько все серьезно, раз подружка так решительно настроилась на операцию. Ну, побаливает спина и побаливает. У многих болит, но потом проходит.

Но однажды даже решила все-таки подиутить, спросила, может, Оля мечтает изменить форму носа или увеличить губы. Но Оля, хоть и не красавица, была вполне довольна своей внешностью и на самом деле собирается оперировать позвоночник.

Как ни странно, но на работе Оля почти никогда не жаловалась, молчала, терпела боль и изредка, когда у нее выдавалась свободная минутка, пряталась в гладильной, ложилась на диван и вытягивала ноги — отдыхала. Иногда, когда у Оли сильно болела спина, Валя заменяла ее, помогала, носила тяжелые подносы.

Поначалу копить деньги не получалось — все-таки Москва. Много соблазнов, появляются новые желания. Хочется купить что-нибудь из одежды или обуви, хорошую косметику, деликатесы. Покупали, радова-

лись, но потом, подсчитав потраченное, хватались за голову: и куда только деньги ушли?

Однако уже очень скоро Олины желания изменились — она стала прибегать к услугам хорошего, хоть и дорогого массажиста. И спина болела уже меньше, и Оля чувствовала себя гораздо лучше, здоровее.

Потом увлеклись театром, старались посещать премьеры, хотя и брали самые дешевые билеты.

Помимо них в квартире жили еще квартиранты: молодая женщина с маленьким ребенком, который плакал по ночам и мешал спать. И молодой парень, тихий пьяница, грязнуля и просто противный тип, после которого страшно было прикоснуться к ручке двери или принять душ.

Ощущение нечистоты в квартире настолько начало раздражать обеих подружек, что они решили перебраться в скромную, маленькую квартирку неподалеку от ресторана, где работали.

Этот переезд стоил им дорого. Во-первых, пришлось заплатить кругленькую сумму агенту по недвижимости, во-вторых, заплатить сразу за два месяца за квартиру, в-третьих, заплатить грузчикам, которые перевезли вещи, в-четвертых, пришлось купить две скромные полуторные кровати, а заодно и новое постельное белье. И это не считая трат на бытовую химию и прочие мелочи, без которых жизнь на новом месте представлялась просто невозможной. Но так уж хотелось чистоты и комфорта, что и денег не жалели.

В конечном счете остались совсем на мели и радовались тому, что удавалось принести еду из ресторана. Уставшие, они ужинали оставшимися от банкета.

тов мясными деликатесами, фруктами, а потом пили чай с пирожными.

Ночью отсыпались и утром отправлялись на работу. И постепенно планы подружек начали меняться. Оля все реже стала жаловаться на боли в спине (вероятно, помогал хороший массаж), а Валя передумала возвращаться в родной город и открывать там пекарню или мастерскую по изготовлению сувенирных мышей.

Москва манила к себе, хотелось здесь жить, пускать корни. Но, для того чтобы это осуществить, надо было купить собственное жилье. А где взять денег?

Оля предложила для начала накопить денег и купить хотя бы комнату, такую же, в которой они жили до переезда в квартиру. Вот просто отказывать себе во всем и копить, копить.

Но подсчитав, получилось, что накопить даже три-четыре миллиона рублей — процесс долгий и трудный. И отказывая себе во всем, они теряют вкус к жизни. Оставался один выход — вернуться в Мышкин и попробовать получить там кредит.

— Тяжелые подносы... Да, ты права. Но для того, чтобы получить образование и зарабатывать деньги мозгами, тоже нужны деньги. Много денег. А мы с тобой это не потянем. И даже если представить себе, что мы уже выучились и устроились на работу, здесь, в Москве, то где гарантия, что мы сразу же станем хорошо зарабатывать? Нужен опыт и все такое. Сама понимаешь — это долгий и дорогой процесс. Мы такие, какие есть.

— И что теперь? Работать всю жизнь официантками?